

ДЖОН

ЛОКК

о чудесах

с комментариями и объяснениями
Александра Маркова

правильно мыслить
более ценно, чем
много знать

логика есть анатомия
мышления

образование создает
разницу между людьми

от правильного
воспитания зависит
благополучие народа

Джон Локк
О Чудесах. С комментариями
и объяснениями
Серия «Философия на пальцах»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48851182

О Чудесах : с комментариями и объяснениями: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-117994-6

Аннотация

Джон Локк – один из крупнейших философов Нового времени, «отец политического либерализма», универсальный ученый, занимавшийся в основном химией и медициной, законодательством и педагогикой. Он обосновал, почему науки должны развиваться своими путями и дифференцироваться и почему нельзя строить философию только на отвлеченных предпосылках. Труды Локка учат быть внимательными к своему опыту и доверять не случайным впечатлениями, а самой нашей способности иметь знания. Школа честности и ответственности – вот что такое труды Локка, о каких бы предметах он ни говорил.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Философ строгой свободы	5
Рассуждение о чудесах	14
Мысли о воспитании	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Джон Локк О Чудесах. С комментариями и объяснениями

В оформлении переплета использовано фото из архива Shutterstock.

Составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии *Александра Маркова, профессора РГГУ и ВлГУ*

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Философ строгой свободы

Джон Локк родился 29 августа 1632 года в Англии – в небольшом летнем домике, у церкви в Рингтоне, графстве Сомерсет, примерно в 12 милях от Бристоля, и в тот же день был крещен. Его отец, Джон Локк-Старший, был адвокатом, клерком мирового суда, а во время гражданской войны успел послужить в кавалерии на стороне парламентских сил, иначе говоря, в войске Кромвеля. Мать будущего философа, Ангес Кин, происходила из суровой пуританской семьи. Она всегда блюла порядок в доме. Каждый день здесь читали вслух Библию и вели разговоры о нравственности.

Детство Локка прошло в Пенсфорде, рыночном городе к югу от Бристоля. Он рос в доме, построенном в эпоху Тюдоров, наполовину деревянном. Благодаря родителям рано выучился читать, а знакомства отца позволяли ему получать новые книги.

Решающую роль в судьбе мальчика сыграли связи, приобретенные отцом во время гражданской службы. Он поддерживал переписку со своим бывшим командиром, членом парламента Александром Попамом, который и помог устроить юного Джона в Вестминстерскую школу, существовавшую прямо при парламенте. Джон изучал языки и одновременно знакомился с ходом дебатов. Будучи одним из лучших учеников, он потом опять же на средства Попама был зачис-

лен в Оксфордский университет. Деканом колледжа Крайст-Черч, где ему предстояло учиться, был Джон Оуэн, крупнейший богослов пуританского протестантизма. Оуэн, суровый и почти фанатичный, думал больше о реформе Церкви, нежели об изменении учебных программ, и хотя молодой Локк был пленен его остроумием и красноречием, подход к обучению в колледже вызывал его раздражение. Он не понимал, зачем нужно было писать столько книг, где дурно пересказывались одни и те же тезисы.

Джону Локку помог его товарищ по Вестминстерской школе Ричард Лоуэр, учившийся на медика. Он был знатком и пропагандистом трудов Декарта, экспериментальной медицины, не преклонялся перед авторитетами, но требовал изучать природу таковой, какова она есть. В 1660 году было создано Лондонское королевское общество, которое не зависело от университетов и стало центром экспериментов в области медицины, физики, химии, оптики. Лоуэр поставил целью стать его членом и добился своего. Дружба Локка и Лоуэра была крепкой, благодаря своему другу начинающий философ зачитывался новой философией и знал основные труды Декарта почти наизусть.

Хотя Локк в 1658 году стал магистром философии, он не оставлял занятий медициной и в 1675 году получил второй диплом, медицинский. Готовя диссертацию по этой науке, он общался с ведущими учеными своего времени, такими как Роберт Бойль и Роберт Гук. Благодаря им Локк понял, что

мир – это не совокупность готовых вещей, есть еще и микромир, в который мы можем проникнуть лишь с помощью приборов, есть сложные физические взаимодействия, химические реакции, множество факторов, влияющих на состояние материи. Нельзя объяснять явления небольшим числом принципов, на самом деле механика природы сложнее и требует пытливости, а не только знаний. Он начал разочаровываться в Декарте: великий француз объяснял работу человеческого организма отчасти по образцу механизма, но успехи химии и физики не позволяли считать глаз или желудок механизмом, пусть даже сложным. Спор с Декартом – такая же магистральная мысль Локка, как и его дискуссия с устаревшей университетской схоластикой – он никак не мог согласиться с мыслью Декарта о собственном содержании нашего ума. Ведь наш ум – это тоже явление, тоже событие природы, и его опыт – продолжение той жизни, которой живет мир. Если мы допускаем особое содержание разума, то мы просто умножаем сущности, прибавляя к поведению вещей еще и неизбежное поведение наших мыслей.

В 1666 году, как раз в тот год, когда Ньютон, уехавший из Кембриджа из страха перед чумой, увидел падающее яблоко и написал свой первый трактат по физике, Локк познакомился с лордом Энтони Эшли Купером, 1-ым графом Шефтсбери. Больше знаменит его внук, 3-ий граф Шефтсбери, основоположник современной эстетики, переосмысливший такие понятия искусства, как «гений», «вкус» и «возвышен-

ное». Но дед был не менее известным человеком — видный политик, выдающийся экономист своего времени, глава казначейства. В Оксфорд граф приехал в надежде вылечиться от хронического заболевания, и врачи ему помогли. А также рекомендовали Локка как энергичного и трудолюбивого, который сможет все время консультировать графа и следить за его здоровьем.

Локк переехал в лондонский дом графа, где жил безбедно, имел возможность общаться как с высшим светом, так и с близкими ко двору учеными. Он поступил в ученики к Томасу Сиденхему, одному из основоположников неврологии и диетологии, описавшему пляску святого Витта и научившему лечить подагру. Правда, этот «отец английской медицины», будучи суровым пуританином, не любил новые изобретения, отвергал микроскоп, считая, что важнее ощупывать организм, чем рассматривать микроорганизмы. Но при этом Сиденхем повлиял на философию Локка, в частности, в понимании воздействий на организм как оставляющих одновременно следы и впечатления.

Когда граф Шефтсбери слег из-за инфекции печени, Локк бежал всех лондонских врачей и собрал консилиум, что было не совсем обычно в то время. Он красноречиво убеждал докторов вспомнить все их искусство и найти выход. В конце концов группа врачей решилась на рискованную операцию, которая прошла успешно. После этого граф советовался с Локком и по всем политическим вопросам.

В Лондоне он также поработал несколько лет в совете по торговле и плантациям фактически как главный специалист колониального министерства, делая расчеты, будет ли колебаться цена на ввозимые из Нового света товары. Локк впервые понял, что нужно измерять товар не кораблями, а партиями, и что международная торговля основана не на накоплении богатств, а на рентабельности владений. Вообще, применение сложных математических расчетов в торговле, выходящих за пределы простой бухгалтерии, было тогда неожиданным, но Локк в этом преуспел, и его советами стали руководствоваться придворные, занимавшиеся деловыми операциями.

В 1672 году граф Шефтсбери становится лордом-канцлером, и с этого момента все время Локка занято подготовкой документов и проектов законов. Основанная Шефтсбери в парламенте группа получила в 1678 году название «виги»: это были предприниматели-пуритане, считавшие, что будущее экономики не за владением именьями, а за свободной торговлей. Виги – предшественники современных экономических либералов, они сопротивлялись реставрации Стюартов и считали, что абсолютизм мешает развитию банковской и кредитной системы. Дела Шефтсбери в такой напряженной политической борьбе шли не очень хорошо, и Локк отпросился в 1675 году в отпуск во Францию, чтобы узнать о новых достижениях медицины, в частности, о правилах клинического наблюдения, созданных в университете Монпелье.

Во Франции он успел и поработать преподавателем медицины, и поучиться, и пообщаться с философом Никола Мальбраншем, в определенном смысле своим двойником в философии, только Локк опирался на опыт, а Мальбранш – на созерцание. В Англию он вернулся лишь в 1679 году, когда амбиции монархии были обузданы и граф Шефтсбери получил контроль над парламентом, правда, недолгий. Локку было поручено работать над законами по ограничению власти короля, иначе говоря, участвовать в той деятельности, которая в конце концов привела к Славной революции 1688 года. После нее дрейф обратно к католичеству оказался уже невозможен. Билль о правах 1689 года, утвердивший свободу слова и запретивший королю штрафовать подданных без санкции суда, впитал в себя ряд идей Локка. Впрочем, взгляды этого философа, которого иногда называют «отцом либерализма», были иногда смелее даже Билля о правах, входящего в конституцию современной Великобритании, учитывая, что он говорил о равенстве всех людей и праве каждого человека участвовать в формировании правительства.

Последние годы реакции перед революцией всегда суровы. Опасаясь ареста из-за подозрения в заговоре, Локк в 1683 году бежал в Нидерланды. К сожалению, он не застал Баруха Спинозу, умершего несколько лет тому назад, но с учениками этого философа много общался и в целом одобрял его стремление анализировать суждения разума и строить этику и политику на новых разумных основаниях.

Правда, Спиноза казался ему слишком отвлеченным, слишком одухотворяющим наши чувства, Локк требовал большего самоотчета. Тем временем в Нидерландах Вильгельм Оранский собирал войско, чтобы свергнуть Якова II Стюарта, так что новый двор формировался на глазах Локка и с его участием.

На волне Славной революции, в свите новой королевы Марии II, Локк вернулся в Англию. После возвращения в уже свободной стране он смог напечатать свои главные труды: «Опыт о человеческом разумении», «Два трактата о гражданском правлении» и «Письмо о веротерпимости». Астма заставила его переехать из города в Эссекс, в дом леди Машем, очень его почитавшей. При этом Локк продолжал писать письма, ездить в Лондон и другие города, вести дискуссии с Исааком Ньютоном, а также с Джоном Драйденом, очень талантливым, но довольно беспринципным в политике поэтом, создавшим английскую оперу и вообще английский литературный классицизм. Тем временем партия вигов пополнялась новыми членами, и все они считали Локка своим главным героем: без его прямого участия не были бы приняты законы, действующие и в современной Великобритании.

В «Двух трактатах о гражданском правлении» Локк утверждает, что коль скоро все люди являются потомками Адама, то все они юридически имеют равные права и на власть, и на собственность. Неравенство, власть монарха возникли лишь потому, что люди не смогли найти гражданского согла-

сия и начали войны. В отличие от Томаса Гоббса, полагавшего, что монархия необходима, потому что только абсолютная власть остановит войны, Локк считал войны эпизодом более общего гражданского несогласия, и, по его мнению, монархия, поощряя неравенство, углубляет это несогласие, а значит, провоцирует новые войны. Поэтому необходим «гражданский договор», согласие людей, основанное на здравом смысле: люди рано или поздно понимают, что, договорившись уважать друг друга, они будут терпеть меньше ущерба в своих делах. Если кто-то начинает притеснять их, следует резко расширить права, например, в ответ на увеличение налогов потребовать политического представительства. И так следует действовать не ради частной выгоды, но ради общего интереса, состоящего в том, чтобы люди перестали чинить обиды друг другу и действовать через насилие.

Умер Локк 28 октября 1704 года. Он был похоронен на сельском кладбище, недалеко от дома Машемов, в котором провел тяжелые, но вместе с тем счастливые последние годы жизни. Незадолго до смерти он лишился слуха, о чем очень сожалел.

Локк никогда не был женат, не имел детей, равно как и не купил себе за всю жизнь дома, будучи везде гостем. В этом проявилось его строгое пуританское воспитание: он смотрел только в книги, следил за новостями и даже лечил лишь тех, кто его об этом просил, опасаясь, что если он станет востребованным врачом, то это превратит жизнь в раз-

влечение, лишив серьезности. Неустанный труженик и путешественник, полемист, умевший часами молиться и строго поститься, отец либерализма, почти вольнодумец, – таким Локк предстает перед нами.

Как философа его принято относить к «британскому эмпиризму», иначе говоря, к учению, что как впечатления, так и понятия приходят из опыта. Часто его причисляют к сторонникам «сенсуализма», учения о первичности ощущений по отношению к актам сознания, что тоже верно, но требует уточнения: Локк понимал ощущение только как некоторый момент восприятия, а не как первую причину всех наших знаний. Для него несомненно, что Бог устроил мир разумно, но именно поэтому нельзя переносить домыслы своего ума на окружающий мир. Напротив, нужно строго и пытливо узнавать, как устроены процессы, развивая отдельные науки. Для этого сборника мы выбрали произведения Локка, где он создает новое научное знание, требуя не уступать его ни бытовым привычкам, ни инерции речевых формул, ни предрассудкам эпохи.

*Александр Марков,
Профессор РГГУ и ВлГУ*

Рассуждение о чудесах

Перевод Е. С. Лагутина

Этот небольшой трактат был написан Локком как часть обширного задуманного труда о разумном смысле христианской догматики. Сам труд создан не был, но полемически заостренная работа стала важным примером того, как философ, опирающийся на разум и здравый смысл, говорит о возможности в истории явлений, не предусмотренных простой механической причинностью.

Понятие «чудо» обязательно в авраамических религиях (иудаизме, христианстве и исламе), вместе с тем, оно никогда не было критерием истинности религии: чудеса могут совершать и ложные пророки. Поэтому божественное действие, согласно богословам, нужно искать не там, где происходят вообще чудеса, но где они ведут к признанию могущества Бога, а значит, истинности суждений о Нем как о могущественном. Новый Завет предпочитает слову «чудо» слово «знамение», означающее боевое знамя в функциональном значении спасительного сигнала к перестроению в гуще боя, собирающего вокруг себя общину верных. Локк и говорит о чудесах с точки зрения очевидца, которого они с одной стороны побудили встать под знамя нравственного действия, а с другой стороны, позволили непротиворечиво судить о Боге как причине вещей.

Заметим, что Локк допускает чудеса именно потому, что для него религия – опыт, встреча с порядком событий, превышающим известный нам из частного и обособленного опыта. Недоверие к чудесам, обычное в XIX и XX веке, исходит не только из успехов отдельных наук, где все явления должны быть объяснены «имманентными» (принадлежащими тому же порядку вещей) причинами, но и из понимания религии как чувства. Действительно, для сердечного исповедания или внутреннего переживания святости внешние чудеса не нужны, даже оскорбительны. Гегель или Лев Толстой стремятся очистить Евангелие от них, считая соответствующие рассказы исключительно уловкой для тогдашней легковой публики, не имеющей отношения к нравственной сущности христианства.

Но Локк понимал религию не как внутреннее переживание, но как определенный договор, завет, и, следовательно, чудеса также необходимы истинной религии, как и другие доказательства истины, например, как удачные эксперименты в науке. Равно как и успехи науки, которым он сам всячески способствовал, не противоречат чудесам, потому что каждая наука для него исследует свое «имманентное», свои порядки причин и явлений, тогда как чудо принадлежит области исторического объяснения, а не причинности. Для Локка история и рассказ о ней определяются множеством факторов, и то, что этот рассказ осмыслен – тоже чудо. А не чудо ли то, что история полна насилия и принуждения,

но люди в конце концов выбирают свободу?

* * *

Рассуждать о чудесах, не определив сначала, что следует понимать под словом «чудо», — значит создавать лишь видимость рассуждения, а на самом деле говорить впустую.

Локк начинает с требования определения, без которого любая аргументация эффектна, но не истинна. В оригинале «видимость рассуждения» обозначена словом *show*. Тогда это слово означало как показное зрелище, так и видимость, мнимость, иллюзорность.

Чудо, как я его понимаю, есть воспринимаемое органами чувств действие, которое очевидец, в силу того что оно выше его понимания и противоречит, по его мнению, естественному ходу вещей, принимает за божественное деяние.

Действие — буквально, «операция», какое-то изменение вещи, не основанное на простой причинности, и так понятной. Например, способность пищи насыщать — это ее действие, ибо мы можем проследить лишь то, что пища отяжелила наш желудок, тогда как действие, насыщение — более сложный процесс.

Тот, кто присутствует при этом событии, есть очевидец; тот, кто верит в свершение этого события в прошлом, как бы ставит себя на место очевидца.

Вероятно, против этого определения можно выдвинуть следующие два возражения: 1. Во-первых, оказывается весьма неопределенным, что же есть чудо; ибо, раз оно зависит от мнения того, кто его наблюдает, для одного будет чудом то, что для другого не будет таковым.

В ответ на это достаточно заметить, что данное возражение не имеет никакой силы, за исключением только одного случая: если его выскажет тот, кто сможет дать такое определение чуду, против которого нельзя выдвинуть само это возражение; а сделать это, я думаю, нелегко; ибо, если по всеобщему согласию чудом может быть только то, что превышает силу природы в установленных, постоянных законах причин и следствий, признано чудом может быть только то, что, по мнению людей, выходит за пределы этих законов. Но поскольку каждый в состоянии судить об этих законах только на основании своего собственного знакомства с природой и своих понятий о ее силе (а у разных людей они различны), неизбежно такое положение, при котором для одного будет чудом то, что для другого таковым не является.

Локк оспаривает тезис о зависимости чуда от мнения указанием на то, что последнее сопровождает любое восприятие природы. А так как знакомство с природой у людей различно, значит, мы можем говорить только о совокупном мнении, способном признать что-то

чудом. Такое понимание мнения не было возможно в классической философии, поскольку в ней сама природа указывала на истинность происходящих в ней событий, и философ, зная причины, тем самым претендовал на знание истины, в отличие от господствующих мнений частных лиц в социальной и политической жизни. Классическое понимание истины и мнения нормативно для научного знания, все же претендующего на истину, но Локк рассуждает как интеллектual, для которого ситуация дискуссии как общественная ситуация держится на мнениях, потому что природа общественно значимых явлений никогда не будет прозрачной. Необходимы новые науки, способные выяснить истину в исторических и общественных делах, а не только в отдельных природных явлениях.

2. Второе возражение против данного определения будет состоять в том, что расширенное таким образом понятие о чуде может иногда включать действия, которые не имеют в себе ничего необычного или сверхъестественного и тем самым делают тщетным использование чудес для подтверждения божественного откровения.

Расширенное – до включения в понятие чуда всего, механизмы чего непонятны. При этом такие чудесные явления могут быть и в социальной жизни, например, внезапное заключение мира воюющими сторонами. Такие явления следует назвать чудесными, но нельзя назвать необычными, учитывая, что политики хотели

мира.

На это я отвечаю: вовсе нет, если правильно понимать то доказательство, которое получает божественное откровение от чудес.

Чтобы удостовериться в каком-либо откровении как исходящем от Бога, необходимо знать, что вестник, его доставивший, послан Богом, а это нельзя узнать кроме как на основании какого-либо свидетельства, данного ему самим Богом. Давайте тогда посмотрим, не являются ли чудеса – как я их определяю – такими свидетельствами и не направят ли они нас безошибочно прямо в поисках божественного откровения.

В этом рассуждении Локк переворачивает классический «парадокс лжеца»: если лжец говорит «я лгу», то лжет ли он или говорит правду? Так и здесь, когда человек заявляет, что он несет божественное откровение, то может ли он быть сразу объявлен самозванцем, если он выступает как свидетель, а не как носитель мнения? Очевидно, что самозванный пророк может существовать, но именно потому, что мы способны отличить его от истинных пророков.

Божественное откровение – и это следует принять во внимание – получает подтверждение только от тех чудес, которые совершаются для доказательства того, что человек, сообщаящий откровение, действительно послан Богом. От-

кровение не имеет никакого отношения ко всем другим чудесам, совершающимся в мире, сколько бы их ни было и какими бы великими они ни были. Случаев, когда есть или могла быть потребность в чудесах для подтверждения откровения, гораздо меньше, чем можно предположить. В языческом мире, среди бесконечного и беспорядочного нагромождения божеств, мифов и культов, не было места для божественного утверждения одного из них против всех остальных. Те, кто имел много богов, были свободны в своем поклонении; и поскольку ни одно из их божеств не претендовало на то, чтобы быть одним-единственным истинным богом, то нельзя предполагать, что при языческой системе религий один из язычников мог использовать чудеса для утверждения только своего культа или для уничтожения культа другого язычника; еще менее нужны были чудеса для подтверждения каких-либо догматов веры, поскольку ни у одного из божеств просто не было таких, в которые должны были бы верить те, кто им поклонялся. И, в силу этого, я не помню ни одного чуда, отмеченного греческими или римскими авторами, которое было бы совершено для утверждения чьей-либо миссии или учения. В подтверждение этого мы находим у св. Павла (1 Кор. 1, 22) замечание о том, что иудеям (это правильно) требовались чудеса, а что касается эллинов, то они искали чего-то иного – у них не было потребности (и они не видели пользы) в чудесах для того, чтобы обратить внимание на какую-либо религию с целью принять ее. И действитель-

но, поистине достойно изумления, насколько бог века сего ослепил умы людей, если мы примем во внимание, что языческий мир получил и постоянно исповедовал религию, которая, не будучи основанной на разуме, не имела и твердой опоры в виде откровения. Они не знали ни ее происхождения, ни ее создателей и, кажется, даже не заботились о том, откуда она пришла или чьей властью она сообщена; и тем самым для ее подтверждения не нужно было упоминать о чудесах: они были им не нужны. Ибо хотя кое-где и появлялись какие-то намеки на откровение, для подтверждения его не было даже намеков на чудеса.

Локк говорит об античной веротерпимости как заведомо не допускающей чудес: ведь если выбор богов для поклонения оказывается с самого начала частным делом, то чудо как публичное действие попирает саму природу античной религии как слишком частного занятия.

Чего-то много... — согласно апостолу Павлу, мудрости, иначе говоря, философских советов на все случаи жизни.

Бог века сего... — дьявол, цитата из 2 Кор. 4, 1. Мы исправили ошибку прежнего перевода. Апостол Павел говорил о невосприимчивости язычников к новому откровению, объясняя это преданностью «веку сему», иначе говоря, здешнему миру с его суетой и смертными желаниями.

Если мы будем направлять свои мысли, руководствуясь

прошлым, то должны прийти к выводу, что чудеса как своеобразные верительные грамоты вестника, сообщающего божественную религию, могут иметь место только в том случае, если предполагается существование одного-единственного истинного бога; а что это именно так, что это заложено в природе самого явления и по-другому быть не может, я думаю, будет выявлено в ходе нашего дальнейшего рассуждения. Из тех, кто пришел от имени одного-единственного истинного бога, заявляя, что принес от него закон, у нас в истории имеются четкие сведения только о трех, а именно о Моисее, Иисусе и Магомете. Ибо персы о своем Зороастре или индусы о своем Бrame (не упоминая уже о всех диких рассказах религий, распространенных на совсем уж далеком Востоке) говорят столь туманно или столь явно вымышленное, что о них нельзя составить какого-либо определенного мнения. Далее, поскольку из трех упомянутых выше Магомет для подтверждения своей миссии не претендует ни на какие чудеса, ибо у него их просто нет, а откровения, удостоверяемые чудесами, – это откровения Моисея и Иисуса, и они подтверждают друг друга, из этого следует, что во всем этом деле с чудесами, как оно обстоит в действительности в соответствии с реальными фактами, нет вообще никаких трудностей; и я думаю, что самые щепетильные или скептически настроенные люди не могут на основании чудес возбуждать малейшее сомнение в отношении божественного откровения Евангелия.

Представления Локка о зороастризме и индуизме были очень общими: знакомство с этими конфессиями не входило в интересы образованного человека, который в освещении религиозной ситуации ориентировался больше на античных авторов, чем даже на свидетельства путешественников. Под «далеким Востоком» имеются в виду Китай и Япония, для Локка это явно очень экзотические страны.

Предания ислама о чудотворениях Мухаммада существуют, но исповедание его чудотворцем не обязательно для мусульманина. Кроме того, его чудеса, вроде получения молока от овец, не дававших молока, ничем не превосходят чудеса, приписывавшиеся христианским святым, и в этом смысле могут быть оставлены незамеченными.

Но поскольку люди думающие и просвещенные будут приводить случаи, которых никогда не было и, можно предполагать, вообще никогда не будет, поскольку схоласты и спорщики будут поднимать вопросы, где их вообще нет, и вступать в споры, в которых нет необходимости, я прошу позволения сказать, что тому, кто приходит от Бога с посланием, которое он должен сообщить миру, нельзя не верить, если он подтверждает свою миссию чудом, потому что предьявляемым им свидетельствам нужно по праву верить. Ибо каждый разумно мыслящий человек должен сделать такой же вывод, какой сделал Никодим: «Мы знаем, что Ты – учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто

не может творить, если не будет с ним Бог» (Иоан. 3, 2).

Локк связывает понятие чуда с личной ответственностью за высказывание: как нельзя до конца переложить ответственность за свои высказывания на других людей, сказав, что твои высказывания были ими внушены, так нельзя считать и чудеса исключительно действием посторонних сил, а не действием самого посланника.

Например, Иисус из Назарета заявляет о себе, что он послан Богом. Он одним словом умиряет бурю на море. Один человек смотрит на это как на чудо и, следовательно, не может не принять его учение; а другой думает, что это могло быть делом случая или знания погоды, а не чудом, и поэтому остается в стороне, но впоследствии, видя, как Иисус идет по морю, признает это за чудо и начинает верить. Однако на третьего это не оказывает такого влияния, он подозревает, что, может быть, это было сделано при помощи духа; но тот же самый человек, видя впоследствии, как наш Спаситель одним своим словом вылечил безнадежного паралитика, признает это за чудо и становится его новообращенным последователем; четвертый игнорирует чудо в данном случае, а впоследствии обнаруживает чудо в том, что Иисус дает зрение человеку, слепому от рождения, или воскрешает мертвых, или сам воскрешается из мертвых, и таким образом принимает его учение как откровение, исходящее от Бога. Из всего этого очевидно, что раз чудо признано, то учение

не может быть отвергнуто; к тому, кто допускает это чудо, учение приходит вместе с теми заверениями, которые дает божественное подтверждение, и он не может ставить под сомнение его истинность.

Дух – в данном случае злой дух, дьявол. Очевидно, что исцеление не могло быть совершено его силой, поскольку оно посрамило злых духов, мучивших человека.

Затем необходимо ответить на следующий вопрос: что должно быть достаточно сильным побуждением для того, чтобы принять какое-либо необычное действие за чудо, т. е. совершенное самим богом для подтверждения откровения, исходящего от него?

Побуждение (inducement) – специфический правовой термин, который лучше переводить как «побудительная причина», иначе говоря, логическое или фактическое основание для принятия окончательного решения.

И на это я отвечу: то, что несет на себе признаки более могучей силы, чем та, которая проявляется в сопротивлении этому действию. Ибо, во-первых, это устраняет главную трудность, где она проявляется более всего, и снимает все сомнения в отношении этого вопроса, когда необычайные и сверхъестественные действия приводятся в поддержку противоположных миссий, о которых, я полагаю, праздные люди поднимают больше шума, чем того требует такое простое

дело. Ибо раз сила Бога превосходит любую другую силу и ему нельзя оказать противодействия силой, равной его силе, и раз нельзя предположить, что его честь и доброта допустят унижение его вестника и его истины из-за появления более мощной силы на стороне обманщика и в поддержку лжи, то всегда, когда появляется противник и сталкиваются двое, утверждающие, что они посланы небом, те знамения, которые несут на себе явные следы воздействия более могучей силы, всегда будут определенным и неопровержимым доказательством того, что истина и божественная воля на той стороне, где они проявляются.

Миссия – как в общем смысле «задача», так и в более специальном «религиозная программа».

Ибо хотя раскрытие того, как были или могут быть совершены ложные чудеса, недоступно пониманию людей несведущих, а часто этого не может постичь даже самый осведомленный наблюдатель, который в силу этого вынужден признать, что, по его уразумению, они превосходят силу естественных причин и следствий, однако, он не может не знать, что они не являются печатями, поставленными Богом для удостоверения своей истины, поскольку им противостоят чудеса, которые несут на себе очевидные знаки более могучей и высшей силы, и поэтому они вообще не могут поколебать авторитет того, кто получил такую поддержку. Вообще нельзя даже предполагать, чтобы бог позволил лжи, высказанной в противодействие истине, исходящей от него, получить под-

держку более могучей силы, чем та, которую проявит он сам для подтверждения и распространения учения, которое он дал в откровении, с тем чтобы в него веровали.

Печать и знак – обычные и в библейском, и в классическом мире образы сохранения таинства, непосредственного присутствия Бога. Отсюда, например, «запечатление Бога в сердце», другие образы религиозности.

Как египетские жрецы, так и Моисей вызывали появление змеев, крови и жаб, и в глазах наблюдателей это не могло не показаться в равной мере чудесным; и если бы дело ограничилось этим, то нельзя было бы определить, кто же из спорящих послан Богом и на чьей стороне истина. Но когда змей Моисея поглотил их змеев, когда Моисей вызвал появление мошкеры и мух, чего они сделать не могли, то решение стало ясным и легким. Было очевидно, что Яннес и Ямбрес действовали с помощью низшей силы и их действия, какими бы чудесными и необычайными они ни были, не могли ни в коей мере поставить под сомнение миссию Моисея; она еще более укрепилась в результате этого противодействия, а после него стала более неопровержимой, чем если бы против нее не выдвигались эти возражения.

Яннес и Ямбрес – эти имена египетских магов не упомянуты в Пятикнижии Моисея, но сохранялись в иудейской традиции и упомянуты апостолом Павлом (2 Тим. 3, 8). О соперничестве Моисея и египетских магов

рассказано в Исх. 7 и 8.

Равным образом число, разнообразие и величие чудес, совершенных для подтверждения учения, провозглашенного Иисусом Христом, несут на себе такие явные знамения необычайной, божественной силы, что истина его миссии будет стоять прочно и неопровержимо до тех пор, пока кто-нибудь, восстав против него, не совершит более великих чудес, чем он и его апостолы. Ибо, по мнению любого человека, каким бы разумом он ни обладал – менее развитым или более возвышенным, все менее величественное не будет достаточно весомым, чтобы склонить чашу весов в свою пользу. Это – один из тех ясных критериев, одна из тех очевидных истин, о которых одинаково судят все люди, и, чтобы определенно увериться в ней, не нужно прибегать ни к помощи знания, ни к глубокомыслию.

Ясных критериев – в оригинале метафорика не зрения, а ощупывания, буквально «ощутимого суда», «ощутимого прения». Для Локка были важны свидетельства всех органов чувств, а не одного зрения.

Бог настолько хорошо позаботился о том, чтобы никакое ложное откровение не могло соперничать с истинно божественным, что нам нужно лишь открыть глаза, чтобы увидеть и удостовериться, что исходит от него. Знаки его всемогущей силы сопровождают его; и поэтому до сего дня мы находим, что там, куда доходит слово Божие, оно берет верх и разрушает оплот Сатаны, вытесняет князя тьмы, изгоняя его

прочь со всеми его ложными чудесами; а это и есть постоянное чудо, несущее на себе свидетельство высшей силы.

У Локка появляется важная тема связи распространения христианства с распространением цивилизации, например, современной экономики или медицины. Философ никак не развивает эту мысль, но для него очевидно: «князь тьмы» действует там, где люди не умеют отвечать за свои поступки и именно поэтому путают истинные чудеса с ложными.

Каков предел могущества естественных действующих сил или существ, созданных богом, не могут раскрыть люди самого величайшего разума; но что оно не равно всемогуществу Бога, это очевидно разуму каждого; так что высшая сила является ясным, а также надежным указателем божественного откровения, подтвержденного чудесами там, где они приводятся в качестве доказательства божественной миссии.

И таким же образом, на тех же основаниях превосходства в силе будет стоять и неоспоримое откровение.

Для объяснения этого, может быть, необходимо выдвинуть следующие посылки: 1. Что ни одна миссия не может считаться божественной, если она сообщает что-либо порочащее честь одного-единственного истинного, неделимого Бога или несовместимое с естественной религией и правилами нравственности, поскольку Бог благодаря свету разума

раскрыл людям единство и величие своего вечного божества и истины естественной религии и нравственности, и поэтому нельзя предполагать, что он с помощью откровения поддержит что-либо противоположное этому; ибо это означало бы уничтожить свидетельства и пользу разума, без которого люди не в состоянии отличить божественное откровение от дьявольского обмана.

Божество – богословский термин, означающий природу Бога или совокупность его свойств. Так как Бог непостижим, богословие часто говорит о Божестве как предмете интеллектуального созерцания и богословских выводов.

Естественная религия – частый во времена Локка термин, означавший естественно присущую людям религиозность, выражающуюся в почтении к родителям, уважительном поведении, благоговейном отношении к другим людям, не имеющую при этом конкретных религиозных представлений. Естественная религия всегда сближается с нравственным чувством, которое необъяснимо и не выводимо из наблюдений за природой, но, несомненно, присуще человеку.

2. Что нельзя ожидать, чтобы Бог послал в наш мир кого-нибудь с целью сообщить людям вещи безразличные и малозначащие или такие, которые можно узнать, используя естественные способности людей. Это уменьшило бы достоинство его величия, пошло бы на пользу нашей лености и во вред нашему разуму.

3. Тогда единственным случаем, в котором миссия кого-либо посланного небом может соответствовать высоким и благоговейным мыслям, которые люди должны питать в отношении божества, должно быть откровение каких-либо сверхъестественных истин, относящихся к славе Божией и имеющих определенное огромное значение для людей. Сверхъестественные действия, подтверждающие такое откровение, могут с полным основанием считаться чудесами, поскольку они несут на себе знаки высшей и всемогущей силы и поскольку против него не выступает никакое другое откровение, сопровождаемое знаками превосходящей ее силы.

Слава Божия – библейское выражение, означающее присутствие Бога в мире, непосредственное вмешательство Его в земные дела, которое мыслится в качестве триумфального явления божественного могущества. Обычно слава понимается как молния, яркая световая вспышка, отсюда и световые образы святости в христианской культуре (золотой фон икон, нимб и другие).

Такие сверхъестественные знамения могут по справедливости считаться действительными и восприниматься как божественные, т. е. данные силой, превосходящей всех, пока их не опровергнет иная миссия, подтверждаемая действиями более могучей силы, так как нельзя предполагать, чтобы Бог до такой степени позволил какому-либо низшему суще-

ству узурпировать свою прерогативу, что разрешил бы какому-либо созданию, зависящему от него, ставить его печати, знаки его божественной власти, на какую-либо миссию, исходящую от этого низшего существа. Ибо считается, что эти сверхъестественные знамения являются единственным средством, которым располагает Бог для убеждения людей как разумных существ в том, что все даваемое им в откровении определенно исходит от него, и он никогда не может согласиться на то, чтобы оно было вырвано из его рук и служило целям и устанавливало авторитет низшей силы, соперничающей с ним.

По мнению Локка, чудо не принадлежит порядку земных вещей именно потому, что иначе оно могло бы быть присвоено людьми и поставлено на службу властным амбициям отдельных личностей. Мы видим такое присвоение, к примеру, в нечестной политике, когда какой-нибудь деятель говорит о своем «везении» или «миссии» сторонникам, ставя это «везение» на службу своему собственному временному успеху.

Поскольку известно, что его сила не имеет себе равных, на нее всегда будут полагаться, и всегда можно будет с полной уверенностью думать, что она будет проявлять свое превосходство при отстаивании его авторитета и подтверждении каждой истины, которую он дал в откровении. Так что знаки высшей силы, ее сопровождающие, всегда были и всегда будут очевидным и надежным указателем божественного от-

кровения, которым люди могут руководствоваться при рассмотрении богооткровенных религий, убеждаясь при этом, какую они должны принять как исходящую от Бога, хотя они ни в коей мере не обладают способностью определять точно, что превосходит силу любого сотворенного существа, а что нет или какие действия могут быть совершены только божественной силой, и никем иным, и требуют непосредственного участия руки Всемогущего.

Богооткровенные религии – для Локка это иудаизм и христианство, как религии Ветхого и Нового завета. В этих религиях Бог непосредственно диктует людям собственную волю, показывая все превосходство своего могущества над привычными порядками исторических событий.

И следовательно, мы видим, что именно этим наш Спаситель измеряет глубину неверия иудеев, говоря (Ин. 15, 24): «Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего», т. е. что они не могли не видеть силу и присутствие Бога в тех многих чудесах, которые он совершил и которые превосходили все, что сделал какой бы то ни было человек. Когда бог послал Моисея к сынам Израилевым сообщить им, что теперь, в соответствии со своим обещанием, он своей рукой выведет их из Египта, он дал ему знамения и подтверждения его миссии; весьма примечательно то, что сам Бог говорит об этих знамениях

(Исх. 4, 8): «Если они не поверят тебе и не послушают голоса первого знамения (т. е. превращения Моисеева посоха в змея), то поверят голосу знамения другого» (т. е. когда его рука, положенная за пазуху, покроется проказой); далее Бог добавляет (Исх. 4, 9): «Если же не поверят и двум сим знамениям и не послушают голоса твоего, то возьми воды из реки и вылей на сушу; и вода, взятая из реки, сделается кровью на суше».

Казни Египетские описаны в Книге Исход как система предупреждений, при этом фараон долго их не воспринимал. Поэтому поучительность этих чудес была не столько для фараона, сколько для народа Израиля, видевшего и всемогущество Бога, и избранничество Моисея как несомненный факт, воспроизводящийся во множестве впечатляющих чудес. Такие чудеса уже нельзя считать иллюзией или фокусом, потому что в них не Моисей добывается чего-то от фараона (как раз он долгое время ничего от него не добывается), но иудеи видят, что Моисей смог стать пророком и что чудеса сопровождают его жизнь.

Какое из этих действий было по силам всем сотворенным существам, а какое нет, я думаю, трудно будет определить любому человеку и очень трудно – бедному кирпичнику; и поэтому ни к одному из них не была присоединена вера в его миссию и безусловное принятие ее, но, чтобы добиться их подтверждения, воздействие чудес было усилено путем увеличения их числа; два сверхъестественных дей-

ствия демонстрируют больше силы, чем одно, а три – больше, чем два. Бог считал естественным, что знамения более могучей силы окажут большее влияние на душу и веру зрителей. Соответственно евреи именно на этом основании судили о чудесах нашего Спасителя; в Евангелии от Иоанна (Ин. 7, 31) мы читаем следующее: «Многие же из народа уверовали в Него и говорили: когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил?» Поскольку это самый простой способ сохранить всю силу доказательства, которой обладают чудеса, для людей всех родов и званий, то, возможно, он является и самым надежным. Ибо чудеса составляют ту основу, в соответствии с которой устанавливается божественная миссия и, следовательно, тот фундамент, на котором в конечном итоге должны основывать свою религию верующие в какое-либо божественное Откровение, так что такое использование чудес будет утрачено если не для всех людей, то по крайней мере для людей простых и неграмотных (а таких подавляющее большинство), если определить, что чудесами являются только такие божественные действия, которые сами по себе находятся вне пределов силы всех сотворенных существ, или по крайней мере действия, противоречащие твердо установленным законам природы. Ведь что касается последних, то лишь одни философы (если хотя бы они, по крайней мере) могут претендовать на определение того, что такое «твердо установленные законы природы». А если они должны быть дей-

ствиями, совершаемыми только божественной силой, то я сомневаюсь, чтобы любой человек, ученый или неученый, мог в большинстве случаев сказать относительно какого-либо определенного действия, которое могут воспринимать его органы чувств, что оно определенно есть чудо. Прежде чем он будет настолько в этом уверен, он должен знать, что ни одно сотворенное существо не имеет силы его совершить. Мы знаем, что хорошие и плохие ангелы обладают способностями и достоинствами, намного превышающими все наши слабые свершения и ограниченные мыслительные способности. Но определить, каков предел силы, которой любой из них располагает, было бы смелым предприятием человека, находящегося в темноте, выносящего приговор, не видя осужденного, и устанавливающего в своей узкой камерке границы тому, что находится на расстоянии бесконечности от его системы и за пределами его понимания.

Кирпичнику – согласно библейской Книге Исход, евреи в Египте находились на зависимом положении и выполняли одну из самых черных работ: лепили и обжигали кирпичи.

Бог считал естественным – для Локка естественная религиозность тоже результат некоторого замысла Бога о людях и мире, так, для иудеев чудеса в истории их народа были вполне естественны, но именно потому что Бог сделал их таковыми.

Рассуждение Локка об ангелах очень важно: их могущество для него – не частная их сила,

пусть даже порученная им Богом, но высокая степень свободы, которой они располагают, раз у ангелов есть «достоинства», иначе говоря, заслуги, за которые их можно чтить. Ангелы при этом – служебные духи, но их служение объясняется тем, что Бог обладает еще бесконечно большей степенью свободы, чем они. Следовательно, про их действия нельзя говорить, что они чудеса, с позиций самих ангелов, для них это обычные свободные действия, их обычная профессиональная деятельность. Чудом это будет только для нас, потому что мы в силу ограниченности самой степени нашей свободы не можем вынести окончательное суждение о том, было ли это вмешательство ангела чудесным, или оно было в порядке вещей ангельского мира. Для читателя, не верящего в ангелов, на их место можно поставить «научные открытия», «озарения», «вдохновения». Для такого человека они тоже оказываются совершенно чудесными, необычными, все меняющими, хотя с позиций развития науки и искусства во многом закономерны.

Следовательно, такие определения чудес, как бы они ни были прекрасны в рассуждениях и в теории, подводят нас, когда мы начинаем пользоваться ими в конкретных случаях.

Мысли о воспитании

Перевод Ю. М. Давидсона

Tabula rasa, чистая доска – так Локк обозначал сознание младенца, еще не имеющего никаких идей, потому что не встречался ни с вещами, ни с событиями. Даже нравственное чувство в человеке появляется извне, благодаря заботе Бога о созданном им человеке, которого Бог не хочет лишать ни свободы, ни ответственности. Если так, то воспитание должно научить человека быть свободным не только в ключевых решениях, но и в бытовом поведении, в манерах, чтобы учить свободе и достоинству окружающих.

Сам никогда не имевший детей, Локк рассуждал о воспитании как о социализации, начинающейся с обучения грамоте и хорошим манерам и завершающейся вхождением во взрослую социально-политическую жизнь. Для него неприемлема позиция Декарта, что способность к логическим суждениям внедрена в человека с рождения, и он поэтому считает необходимым одновременно учить логике, критическому мышлению, искусствам и аристократическим манерам. Только тогда человек увидит, что логически правильные решения социально значимы и служат торжеству добродетелей.

По сути, перед нами первый трактат, посвященный воспитанию в человеке с ранних лет того, что мы называем крити-

ческим мышлением: понимания, что суть природных и социальных явлений не сводится ни к значению слов, ни к сказанному в книгах, ни к расхожим представлениям. Даже самый умный человек может допустить ошибки или последовать суевериям своего времени, поэтому лишь дискуссия, спор по определенным правилам, может помочь ему сформулировать свой опыт так, чтобы все видели: это именно его опыт, а не иллюзия, не инерция случайно приобретенных впечатлений. Учить правильно отбирать впечатления – задача воспитания: и воспитатель, и воспитуемый должны выбрать из впечатлений и опытов самые лучшие. Воспитанный так человек готов и к философии, где ему тот самый выбор придется делать уже самостоятельно, без подсказок.

* * *

§ 1. Здоровый дух в здоровом теле – вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире. Кто обладает и тем и другим, тому остается желать немногого; а кто лишен хотя бы одного, тому в малой степени может компенсировать что бы то ни было иное. Счастье или несчастье человека в основном является делом его собственных рук. Тот, чей дух – неразумный руководитель, никогда не найдет правильного пути; а тот, у кого тело нездоровое и слабое, никогда не будет в состоянии продвигаться вперед по этому пути. Правда, есть люди, обладающие столь крепкой и столь хоро-

шо от природы слаженной конституцией – как физической, так и духовной, что они нуждаются лишь в небольшой помощи со стороны других, что одна только сила их природной одаренности от самой колыбели влечет их к прекрасному, и благодаря преимуществу их счастливой природной организации они способны делать чудеса. Но примеры такого рода немногочисленны, и можно, мне думается, сказать, что девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются тем, что они есть, – добрыми или злыми, полезными или бесполезными – благодаря своему воспитанию. Именно оно и создает большие различия между людьми. Незначительные или почти незаметные впечатления, производимые на нашу нежную организацию в детстве, имеют очень важные и длительные последствия: здесь имеет место то же самое, что и у истоков некоторых рек, где небольшое усилие может отвести податливые воды в русла, которые заставят их течь почти в противоположных направлениях; благодаря этому слабому воздействию, которое оказано на них у самых истоков, движение вод получает различные направления, и они в конце концов достигают весьма отдаленных и далеко отстоящих друг от друга мест.

В здоровом теле здоровый дух – несколько искаженная цитата из римского сатирика Ювенала, именно благодаря труду Локка превратившаяся в поговорку. Контекст Ювенала несколько другой – не утверждение, что здоровый человек благополучно

себя чувствует и потому здраво мыслит, но мольба о том, чтобы с годами не утратить телесное и душевное здоровье. Локк, как требовали риторические пособия, начинает трактат с общих мест, с разделяемых всеми обыденных утверждений, лежащих в основе аргументации, но пользуется ими не как ритор, а как философ, показывающий, что социальная жизнь сложнее, чем это предполагает успешный оратор.

Конституция – телосложение и вообще устройство организма. Локк понимает это слово шире, включая в данное понятие и душевное благополучие.

Природная одаренность (буквально, «гений») – важное понятие классической культуры, ставшее ключевым в эстетике Нового времени. Этим словом называли обычно природные способности, например, сообразительность, легкую обучаемость, – но Локк понимает «гений» как явление не только разума, но и воли, определенную тягу к прекрасному. Отсюда уже один шаг к просветительскому пониманию «гения», выдвинутому лордом Шефтсбери, внуком покровителя Локка (см. Предисловие) как неудержимой тяги любить прекрасное и создавать прекрасное. Кстати, Локк замечает, что таким гением наделено меньшинство людей. Это тоже внесет вклад в понимание гения не просто как большого таланта, но как исключительного явления.

§ 2. Я думаю, что детскую душу так же легко направить по тому или иному пути, как и речную воду; но хотя в этом и за-

ключается основная задача воспитания и должно заботиться главным образом о внутренней стороне человека, однако, не следует оставлять без внимания и брENNую оболочку. С последней я поэтому начну и прежде всего рассмотрю вопросы, касающиеся здоровья тела: этого вы, пожалуй, скорее всего и ожидаете от меня, имея в виду ту ученую специальность, в которой меня считают более подготовленным. К тому же с этими вопросами можно скорее покончить, так как, если я не ошибаюсь, круг этих вопросов весьма невелик.

БрENNая оболочка – букв. «глиняное жилище», Clay Cottage, образ, восходящий к библейскому рассказу о создании Адама из глины (брения), иначе говоря, обозначение тела вообще.

Ученая специальность – Локк получил в Оксфорде степень бакалавра медицины и имел лицензию на врачебную практику.

§ 3. Насколько здоровье необходимо нам для профессиональной деятельности и счастья и насколько каждому, кто желает играть какую-либо роль в мире, нужна крепкая конституция, способная переносить лишения и усталость, – это настолько ясно, что не требуется каких-либо доказательств.

§ 4. Мои дальнейшие рассуждения о здоровье касаются не того, что должен делать врач с больным и хилым ребенком, а того, что должны делать родители, не обращаясь к помощи медицины, для оберегания и укрепления здоровой или по

меньшей мере неболезненной конституции своих детей. А это можно, пожалуй, выразить в следующем коротком правиле: джентльмены должны закалять своих детей так же, как это делают честные фермеры и зажиточные иомены. Но матери, может быть, сочтут это правило слишком суровым, а отцы найдут его слишком кратким; поэтому я объясню свою мысль более подробно. При этом я буду исходить из того общего, достоверного и заслуживающего внимания женщин наблюдения, что природа большинства детей портится или по меньшей мере терпит ущерб от баловства и изнеженности.

Джентльмен – аристократ, «барин», первоначально «придворный», иначе говоря, человек, поведение которого определяется нормами придворной жизни и участием в распределении властных полномочий. Это слово употреблялось, когда не уточнялось, к какому именно кругу аристократии принадлежит человек, важнее была «цивильность», чем происхождение.

Иомен – свободный член крестьянской общины. В отличие от фермера, часто был арендатором чужой земли.

§ 5. Первое, о чем следует заботиться, – это чтобы дети ни зимою, ни летом не одевались и не закутывались слишком тепло. Когда мы появляемся на свет, наше лицо не менее чувствительно, чем любая другая часть тела. Только привычка закаляет тело и делает его более выносливым к холоду. По

этому поводу скифский философ дал очень выразительный ответ афинянину, который удивлялся, как тот может ходить голым в мороз и снег. «Как ты можешь выносить, – сказал скиф, – чтобы твое лицо подвергалось действию холодного зимнего воздуха?» «Но мое лицо приучено к этому», – ответил афинянин. «Вообрази же себе, что я весь – лицо», – возразил скиф. Наше тело будет переносить все, к чему оно приучено с самого начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.